

СТИХИ**Анна ЛОБОВА**

* * *

*- С тебя – морские стихи.
Дима Лоскутов*

С меня – стихи, как та вода, что с гуся.
С меня вода морская – как стихи.
Стихия... Видно, снова попадусь я –
пишите, Шура! Золото внутри.

* * *

Вот в небе – как овечки – облака,
а на холмах – как облака — овечки.
Лохматая папаха пастуха,
пёс, как папаха, лошадь без уздечки,
безуздный вдоль дороги первоцвет,
вся в лужах зацветающих дорогах...
Пастух молчит. Дороге много лет.
И времени так много, много, много

* * *

Время и я. Мы идём в интернет.
И вот я как бы – есть, ну, а времени – нет.
И, может, когда-то не станет меня
(я-то не верю, всё фейк и фигня),
и интернет не поморщит лица –
что ему, сволочи, сделается...

* * *

Февраль припудрит меленьким снежком
глубокие морщины переулков,
по ним с утра, опасливо, шагком,
пойдут старушки – в магазин. Под гулкой
ступая аркой, принесут домой
лаваш и кофе, молока для кошек,
которым скажут, белой головой
качая, – как все февраль похожи.

Ада ДЖИЛАВДАРОВА**ЧАШКА**

Рисунок на поверхности был в приглушенных тонах.
Его бежево-болотный оттенок мягко подыгрывал
молочно-белой тишине фарфора. Неспешно и розово
опускались лепестки полупрозрачных цветов. От
них исходил аромат ещё не испитого чая... и ещё
не искушенной ночи, разлитой на льняном полотне
белоснежной скатерти дня...
Когда..., там разливалась Нева...
- Откуда ты, в чём вина твоей зелени глаз?
- Это белой ночи каприз...
- Возможно, а бровей твоих лёгкий изгиб?

- Всего лишь мостов единения нить...
- И север сияния ...
- Нет, право, не надо, не нужно признаний...
- Не за ответом..., я босиком исходил...
- И я не об этом..., я знала, что бриз... и на дне её ил...
- Я столько испил...
- Всю чашу?
- До дна...
- Нет правды, и нам не поможет Луна.
- Где ваши светила? лишь Пётр и меч!
- Я уже говорила...
- Так сколько нам лет?...
- Всего лишь столетья, но время не счесть...
- А я на цветке... на углях в печи...
- А я на волнах, на звёздах, камнях...
- Я пурпуром паруса...
- Я в песне, я в письмах и днях...
- Те письма...
- Отныне их держишь в руках...
- Так жёлтые листья...
- Возможно, в саду...
- Ты снова уходишь...
- Я скоро приду...

КОГДА ЗАКОНЧИЛСЯ ДОЖДЬ

На границе где радостно стучит сердце
и хлещет поток из разверстого сосуда
между асфальтом дороги
и долгой глубиной перспективы
между тёплой ладонью ласкающей голову ребёнка
и морщинистыми пальцами собирающими
крохи со стола
между концентрированной жидкостью налитой
в хрустальный флакон и фантазией дизайнера
между пахнущим поэзией медом и жалом пчелы
между свитым на кусте шиповника гнездом
и пространством за колючей проволокой
между свободой выбора и выбором между свободой и...
всегда перекинут мостик радуги

ПЛАСТИНКА

Сижу, настраиваюсь на мотив комнаты.
На стене проступает огромная карта.
Вот-вот отвалится чёрная Африка,
уронит последний кирпич, на этом фоне,
на ветхой стене – сплошная Сахара. Пыль на гудроне.
Газетная пирамида. Застыло в сфинксе
"молчание" Мунка.
И ты хоть кричи, хоть зови, – сфинкс на все твои "да?"
и "нет?" отзывается эхом гулким...
и только,
музыку чертит игла на стареньком патефоне...
В толстой стене старого дома,
в узком проёме ниши живёт семейство кошек
среди книг, транзисторов, журнальных обложек.
А вдоль стены к нам гости идут из Китая.

В их широком потоке затерялась Герда в поисках Кая.
Вот здесь, прямо на улице, лежит груда
ненужных вещей. Самовар из латуни,
без крана, половник из никеля, одним словом, – посуда.
и корпус гитары, на ней ещё натянуты струны,
и лады... и довольно... и чёрный рояль, с ним столько
связано
воспоминаний...
и только...

Марина ЛАМАР

* * *

Нет..
После Вас,..
но после даже небо
не скажет мне,
что кончилась весна.
А всё, что за спиной,
уже не важно,
и даже нежность взгляда не важна.

За степью слов
пучины недомолвок,
акцент, подтекст,
намёки между строк.
Понять, что нет
на самом деле правых
случайно горький опыт мне помог.

* * *

Уносит время чувства не мои,
Теряет время клоунскую маску,
И даже ночь, застывшая в тени,
Со временем уйдёт в другую сказку,
Написанную новым языком
Под огненно-прибрежно-райским знаком,
И даже день не будет мне знаком
На новом фоне – вычурном и ярком.

* * *

Свобода шепчет тишиной,
Глядит аквариумом в душу.
Своим падением на дно
Её несколько не нарушу.

Ни звука! Жди меня, полёт!
Дрожат оципанные крылья.
Ни слова! Сон меня найдёт
И снова тень покроет пылью.

Пока я помню этот взгляд
Моей души невозвратимой,
Я буду знать, пути назад
Уже не встретить нам, любимый.

Я верой чувствую любовь,
Надеясь выдумать желанье,
Разрушить страхи до основ,
Юля вдоль правды без сознанья.

И то, что я еще живу,
Уже меня не удивляет,
Я телом падаю в траву,
Душа колышется вне рая.

Окошко разума прикрыв,
Стучится сердце в двери ада.
Я знаю правила игры,
И повторять мне их не надо.

* * *

За что Ты так со мной? Скажи, за что?
Ответ разлит подсолнечно на рельсах.
Услышу я Тебя, и лишь потом
Поднимется невзрачная завеса.

И то, что там, за ней, уже пустяк,
Гораздо больший, нежели доселе.
Там раки на горе моей свистят,
А раньше квакуны надрывно пели.

В чём разница? Прошу Тебя, ответь.
И надо ли искать её так рьяно?
Мне пряником должна казаться плеть,
И пыль у ног моих – небесной манной?

* * *

Ведёт дорога в сердце Бога,
а из души свобода прёт.
Я на краю, как у порога,
и в маске задом наперёд.

Осиным гнёздам счёт потерян,
родное крошится гнездо.
В свободу веря и не веря,
я покидаю отчий дом.

* * *

А я просто не буду
смотреть тебе прямо в глаза,
чтоб душою души через взгляд не касаться невольно
и опять ощутить, что я только пустое место
в твоей жизни, набитой другими пустыми местами.

* * *

И ты уйдёшь из сердца моего,
Как все ушли – оставив след на память.
Уйдёшь, не сделав больше ничего,
И этого мольбами не исправить.

Уйдёшь, как в май нырнувшая гроза,
Сойдёшь на нет, как хлопоты туриста.
К тебе я не вернусь. Уже нельзя.
Ты быстро пролетел, легко, со свистом.

И мне уже почти не жаль,
Что я вдали от найденного рая.
Ты был, как шоколадная медаль,
И вкус её я с грустью забываю.

Сусанна АРМЕНЯН

* * *

Ангелу, не прошедшему фейсконтроль,
не продали таблетки в аптеке,
нахамили в кондитерской,
вытолкали из книжного,
всучили флаер с рекламой кроссовок.

Ангел, потерявший салфетку с номером телефона,
поднялся на пешеходный мост,
сверху смотрел на машины,
сначала с одной стороны, провожая их взглядом,
потом с другой, следя, как они
приближаются и исчезают.

Ангел сказал им: Так будет всегда,
спешить не имеет смысла.

С ангелом, не забывающим
постоянно держать на лице улыбку,
пыталась завести знакомство некрасивая девушка.
Ангел сказал: Извини, не плачь, так будет всегда.

Ангелу, заглядывавшему прохожим в глаза,
подсыпали яд в бумажный стаканчик с чаем,
выписали штраф за безбилетный проезд,
предложили бритву вместо конфеты.

Ангелу, столкнувшемуся в коридоре с убийцей,
минутой раньше защемило крыло
в дребезжащем лифте.

Ангел сказал: Как же мне всё это надоело!

Ангел перестал улыбаться,
на ходу вдел наушники
и включил плеер.

Игорь ЭИБОВ

* * *

Живая ночь под маскою зимы.
Мороз, чужих страданий злые доли
все тоньше нить с гирляндами неволи,
хоть в будущем еще маячит скупно – мы.

спит дочь доверчиво, спит безмятежно,
так только дети спят – раскинувшись легко,
бессонницею – прав, молитвою утешь нас,
вечерний час – где звёзды высоко.

а утром всё принять – рисунок на стене,
где дом дымит трубой и где на окнах шторы,
узорное вчера уходит в мир теней,
и то, что в сердце спит – заменит все опоры.

* * *

Меня огорчало твое недоверье
и я, покорившись земному пути,
беспечно ступал сквозь закрытые двери,
и руки прощались и зрели дожди.

А ночью мне снились высокие мачты
и грустная в небо просилась душа,
но я просыпался и знал виновато,
что жизнь, как открытка, была хороша.

высокая нежность таилась в неволе,
и листья взлетали, нарушив разбег,
на голые ветки, – мне снился твой голос,
и день приближался движением век.

* * *

Весеннее солнце носило удачу,
и ветер струился в твоих волосах,
и радость улыбки не шарила сдачу,
и возраст сирени тобою пропах.

И я, непонятный и пыльный, и грубый,
и ты, одичавшая в зимней борьбе,
так близко хранила беспечные губы
и полпоцелуя – ни мне, ни тебе.

Печальная радость в глазах обитала,
и небо кружилось, забыв о себе,
а ты, словно птица, – давно не летала
и прятала в сердце пугливый побег.

и всё – неизвестность, и шепчет тревога,
но мирно цветут полевые цветы,
храня ощущение незримого Бога,
и с ними сливаемся я или ты.

* * *

Ночь печально уснула,
эхо мыслей простых,
нежность ты обернула
в заношенный стыд.

и куда только прятать
пугливо глаза
от макушки до пяток
клонилась лоза.

День же ткался бездомный
для доверия рук,
утомлённая скромность
мой немеющий друг

родниковая радость
манит сердце с небес
ты – земная прохлада
в ускользящем сне.

* * *

Когда болит душа
и просится на волю
и нет в молитве сил
и серый день уныл
и птицы чёрные
перелетают поле
моей слепой души
заснеженной - они

предвестники Весны,
но до весны далёко,
душа болит
четвёртый день в аду,
и неисправная
молитва одиноко
летит, возносится
под первую звезду.

РАКУРС

ОДИНОКИЙ БЕГУН

Значит, нужные книги ты в детстве читал.

В. Высоцкий

«Брайн стоял в мелкой воде прудка, не принимая участия в общей кутерьме. Рассеянный взгляд его голубых глаз остановился на широкой излучине Трента, но река, как видно, не целиком захватила его внимание: он крепко стиснул в кулаке губную гармонику, чтоб двинуть ею как следует, если кто из ребятишек, оголтело носившихся вокруг, толкнёт его, нечаянно или нарочно, и он шлёпнется в мутную от песка в воду» – осмыслив прочитанное я снова глянул на обложку – «КЛЮЧ ОТ ДВЕРИ» Алан Силлитоу. Дело было в конце июня, года одна тысяча девятьсот шестьдесят седьмого, лет мне было пятнадцать, экзамены худо-бедно одолевши, предстоял обязательный выезд «на воды» – целых два месяца хмельной свободы, первые робкие оргазмы, и, конечно же, – КНИГИ, чтоб до одурения, до смущения сознания, взахлёб. Вот, пока матушка собирала чемоданы, я подбирал в семейной библиотеке чтиво на каникулы. Несмотря на щенячий возраст, читатель я был уже тёртый: Дюма, Марк Твен, Буссенар, Майн Рид, Эдгар По сотоварищи в анамнезе присутствовали. Мало того: озорной Гашек был зачитан до дыр, липко-развратный Куприн с прослойками из запретно-сладких, воздушных неприличностей Мопассана, способствующий стимуляции полового созревания Цвейг, умеренно физиологичные Мериме и Стендаль вопреки превентивным заслонам уже соседствовали в юном сознании с формулой Гюйгенса, десятичными логарифмами и первым законом Ньютона. Буквально в предшествующую описываемому ночь тайком просмаковал

последнюю страницу «Тёмных аллей», и, что естественно – душа требовала продолжения праздника. Изъятый бдительными родителями из книжного шкафа двухтомник Хэма путём несложной дедукции был взят в розыск и тайно сокрыт в собственном рюкзаке под альбомом для эскизов и коробкой акварели. К вожделенной прозе бородатого жизнелюба надобно было добавить бутафорию, для маскировки, но – бутафорию читабельную, ибо у матушки сложилась пренеприятнейшая манера периодически экзаменовывать любознательное чадо на предмет содержания поглощаемых на досуге книжек. Так, перебирая книги на полке, наткнулся я на жёлтый томик неизвестного дотолы Силлитоу.

Первый абзац (см. выше) особого интереса не пробудил, разве что явил трусоватость сопляка Брайна. Здесь надо сказать, что в эпоху развивающегося социализма книгоиздание являлось едва ли не единственной не заслуживавшей порицания отраслью народного хозяйства: «Худлит», «Прогресс», «Радуга» частенько баловали книголюбов великолепными переводами лучших образцов забугорной прозы (дряни печаталось тоже достаточно, однако общество с пониманием относилось к необходимости поддержания властями идеологического баланса), и, что очень облегчало навигацию в безбрежном книжном море – каждое издательство, даже самое захудалое, наделяло продукцию пространными комментариями дежурного критика-литературоведа.

Даже опытный читатель, проглядев предисловие (либо послесловие) и «отфильтровав базар», моментально определял – стоит ли тратить время на знакомство с новым автором, либо книжка представляет собой проповандистскую галиматью очередного соратника по идеологическому фронту...

Пролистав томик, я заглянул в

послесловие и во первых строках обнаружил (спасибо Дм. Урнову) цитату из газетного интервью Силлитоу: «Я должен бороться. Я ещё не знаю, с кем и как бороться, но я должен бороться». Напомню – стоял 1967 год, Битлы отыграли «Сержанта Пеппера», Моррисон предложил прорываться «на другую сторону», зрел во мне бунтарский дух (в дальнейшем прочно угнездившийся и обременяющий слегка утомлённый организм по сей день), посему, ещё не успев ознакомиться с содержимым романа, по одному только декларированию позиции автора, я зачислил Силлитоу в товарищи.

Интуиция не подвела – чудная книга попалась: самоопределение Брайна – «патриотизм отсутствует, необходимо строгое наблюдение». Девиз Брайна – «бунтовать, всегда бунтовать!». Вектор направления мятежа – против преуспевающих Форсайтов, против уклада, который являлся для большинства окружающих оплотом отечества, против викторианской Британии, наречённой Олдингтоном «старой сукой».

Детство Брайна – Англия тридцатых – забастовки, голодные демонстрации, уличные стычки

с фашиствующими. Юность – война с нацизмом, в которой Брайну участвовать не довелось, но по её окончании он попадает на «благополучную» войну в Малайе, войну, которую возненавидит за абсолютную бессмысленность, цинизм колониальной администрации, абсурд происходящего. Не желая быть бездумной куклой, Брайн намерен сам определить цель, жизненную идею – тот «ключ», которым ему предстоит отомкнуть дверь – выход, и одновременно вход в пока неизвестное, но манящее...

Впечатлённый прочитанным, я занялся изысканиями, и в занюханной «Курортной библиотеке» обнаружил ещё одну книжку Силлитоу – изданный в 63-м «Молодой гвардией» сборник «Одиноким бегун» – истовый протест против жестокости, равнодушия, лицемерия, чванства; горький постулат: власть – это приручение, дрессура, инструмент для холощения духа (каюсь, «бегуна» я присвоил – весь последующий год на наш домашний адрес приходили гневные послания заведующего библиотекой города Железноводска).

Попав в капкан Аланова слова, я принялся собирать разрозненные крохи информации о самом авторе. Достоверных сведений в обозримом пространстве было крайне мало: обласканный при Хрущёве и зачисленный в разряд «рабочих писателей» Силлитоу в 68 году, выступая на съезде советских писателей, в свойственной ему бескомпромиссной манере высказался о нарушении прав личности в СССР, после чего был предан анафеме и «закрыт» для народа-строителя социализма. Только лишь через пять долгих лет «Иностранка» – светлое наше окошко в большой мир – «протащила» блестящий «плутовской» роман «Начало пути» (для нас – ключ от двери в мир английского «андерграунда») с осторожными комментариями и краткой биографией автора.

Много позже, собрав разрозненные отрывки, удалось наконец составить внятное представление о жизни и творческом пути Силлитоу: один из пятерых детей в семье рабочего-кожевника, родился 4 марта 1928 года в Ноттингеме. Семья перебивалась

на пособие по безработице («...мы жили в комнате на Толбот стрит, где все четыре стены насквозь пропахли газом, застарелым жиром и слоями гниющих обоев») и только в 39-м году, с началом второй мировой войны отец сумел найти место – благополучие пришло в дом вместе с катастрофой – сей парадокс составил первооснову для размышлений и сопоставлений юного Алана.

Когда будущему писателю исполнилось двенадцать лет, мать сожгла рукопись его первого автобиографического «романа», найдя опус чрезмерно натуралистичным.

Четырнадцать лет Силлитоу бросил школу и начал зарабатывать: рассыльным, заводским учеником, слесарем на велосипедной фарике.

В 1946-м вступил в британские военно-воздушные силы, два года служил радистом в Малайе, заболел туберкулёзом, был демобилизован и полтора года провёл в госпитале. Здесь, имея досуг, принялся читать. Здесь сложились его литературные приоритеты: Лоуренс, Камю, Сэмюэл Батлер, Мелвилл, Достоевский.

В госпитале Алан пробует себя в стихосложении – первые поэтические строки, многократно переработанные впоследствии, составили основу изданного в 1960г. сборника «Крысы».

По завершении лечения, получив пенсию по инвалидности, а следовательно – источник существования, Силлитоу с женой, поэтессой Рут Фейнлайт, отправился на юг Европы. Встреча и дружба с Робертом Грейвзом, обитавшим в то время на Майорке, определила путь начинающего автора: Грейвз посоветовал написать книгу о родном Ноттингеме.

К 1957 г. Алан в тяжких трудах завершил работу над романом «В субботу вечером и в воскресенье утром». О чём роман? О том, как проводит «уик-энд» плюющийся на ценности среднего класса рабочий парень Артур Ситон – в любовных забавах, драках, пьянстве: «Всё, что я хочу, так это повеселиться. Всё остальное – пропаганда».

Написанный сочным языком, насыщенный эмоциями, эротикой

и мрачноватым юмором роман был принят «на ура» читателями, награждён «Дебютантской премией авторского клуба» и... собрал весьма прохладные отзывы литературного истеблишмента, медленно причислившего автора к «рассерженным молодым людям».

Сам Силлитоу всегда отрицал свою принадлежность к какому-либо литературному течению – «... я просто книжки пишу». Действительно: трудно выстроить параллели между невнятным, чуточку манерным протестантизмом Осборна, Шейлы Делани, Джона Брейна и бескомпромиссным истовым бунтарством Силлитоу.

В 1960 г. Карел Рейш поставил по роману одноимённый фильм с начинающим Элбертом Финни в главной роли. Спродюсированная Тони Ричардсом, имевшая ошеломляющий успех лента, наметила отправной пункт для великолепного явления, определённого впоследствии как «свободное английское кино».

В 1959 г. Силлитоу вновь в центре внимания – повесть «Одиночество бегуна на длинную дистанцию» – изложенная в абстрактно-поэтической манере яростная, пронизанная болью и тоской исповедь уголовника, отщепенца и бунтаря Колина Смита была признана подлинным шедевром (Готорнденская премия по литературе), нанесла сокрушающий удар по малообременённому излишними заумствованиями коллективному сознанию «свингующей молодёжи» и усугублённая киноверсией, трудами всё того же Тони Ричардсона созданной, заложила первый камень в фундамент культурного явления, известного нынче как английский «андерграунд».

В 1961 увидел свет «Ключ от двери». По признанию самого Силлитоу, он работал над романом в общей сложности тринадцать лет – писал кусками, без строгой последовательности. Результат – усложнённая композиция: действие движется во времени по разным направлениям – то оно идёт своим чередом, то обращается вспять; события местами рисуются по воспоминаниям Брайна, местами происходят непосредственно перед

взором читателя. Собственно действие романа относится к концу сороковых, основное место действия – Малайя. Всё остальное вскрывается в памяти Брайна – читай Силлитоу, ибо роман этот есть не что иное, как стилизованная автобиография. Когда маленький Брайн переносит вместе с семьёй невзгоды, внемлет педанту учителю, промышленяет с друзьями на мусорной свалке, позже, подросший, берётся за случайные заработки, бегаёт на свидания с будущей женой, наконец, солдатом шляется по борделям и барам Сингапура – это начало пути самого Силлитоу. «Утром, – подумал, наконец засыпая, Брайн, – корабль отплывёт из Сингапура, и наверно, на пристани будет играть оркестр шотландских волынщиков. И теперь, когда у меня есть ключ от двери, остаётся только напрячь силы и открыть её; но я не удивлюсь, если на это потребуется большая половина моей жизни».

* * *

Силлитоу избегал светских тусовок. Засев с семьёй в своей лондонской «берлоге», он много и хорошо писал. С 65-го по 99 г. – одиннадцать романов, книга воспоминаний, несколько поэтических сборников и множество рассказов. Увы, на одной шестой части суши напрочь забыли о существовании ноттингемского бунтаря. Единственное – в конце 70-х «Молодая гвардия» выпустила сборник английской новеллы – «Спасатель» назывался, если не ошибаюсь – и в этом сборнике среди прочих был помещён пронзительный рассказ Алана – «Дочь старьевщика»... и всё.

Зато как мы, в начале десятилетия, уже гордо именовавшие себя «семидесятниками», драли друг у дружки из рук номера «Иностранки» с упомянутым мною «На-

чалом пути». Роман читали, перечитывали, цитировали, брали на вооружение отдельные реплики: «Мог сказал, верни фитиль!», складывали жаргонизмы. Наравне с «Кентавром» Апдайка книга Силлитоу стала культовой в среде замордованных марксизмом-ленинизмом юных протестантов.

Удивила метаморфоза с автором: ранее гневный обличитель Силлитоу с прохиндиадой Майкла Каллена предстал перед читателями искромётным сатириком, прямым наследником и продолжателем традиции великого Филдинга: Каллен – плут, «пашенок», как называет его собственная мамочка, зачатый по его же выражению «в любви, но не в законе», вдоволь покуролесив в родном Ноттингеме, отбывает на завоевание «Большого дымохода» (Лондон), и начинаются невероятные приключения новоявленного Тома Джонса.

Каждая страница романа насыщена живым юмором, каждый эпизод стремительно развивающегося сюжета – гротеск, каждый новый персонаж – а надвигаются они шеренгой – уникам: Стоу – вор-рецидивист, угонщик автомобилей, контрабандист и ... любящий сын, верный и благородный товарищ; Моггенхэнгер (он же Мог) – заботливый отец семейства, терпеливый наставник потаскушки дочурки... безжалостный главарь преступного синдиката, гангстер; Джун – бисексуалка, танцовщица стрип-бара, любовница Мога... тонкая ценительница литературы; Джек Календарь – нищеврод и пьяница... философствующий астролог; Джилберт Блескин – эксцентричный богемный сумасброд и эротоман, модный писатель... биологический отец главного героя. И ещё, и ещё: взбалмошная голландка Бриджит, которую насилуют всекому-не-лень; психопат и сексуальный маньяк доктор Андерсон и его очаровательный сынишка хулиган Смог; стригущий бабки с лохов-почитателей, «железобетонный» пролетарский поэт-авангардист Рон Делф; обитающий в стеклянном пузыре монстроподобный главарь контрабандистов Линингрейд... Изящными штрихами Силлитоу набрасывает завершённые порт-

реты своих героев, к примеру: «Я поразился, какая у него длинная голова и к тому же совсем лысая – блестящая розовая лысина начиналась от бесцветных бровей, поднималась до макушки и дальше спускалась по затылку до самой шеи. Посредине её пересекал аккуратный шрам; после он рассказал – это его полоснул ножом кровожадный супруг, когда застал со своей женой. Из-за этой давно зажившей раны голова его, особенно сзади, напоминала тот самый инструмент, который и втянул его в беду» – Джилберт Блэскин. Несмотря на жутковатый сюжет, роман пронизан всепоглощающим оптимизмом и гуманизмом. Каллен – вышибала стриптиз-бара, личный водитель гангстера Мога, таскающий через границу золотые слитки и фальшивые банкноты курьер контрабандистов, уестествляющий «всё, что шевелится» ёрник, вор и брехун – трогательно опекает осиротевшего Смога, неоднократно выручает недотёпу Бриджит, подкармливает в конце опустившегося Джека Календаря, спасает от мести бандитов Стоу, и, отсидев полтора года в кутузке... покупает заброшенное имение на железнодорожном полустанке, где затевает вольную коммуны, собрав под одной крышей всех, кому необходима поддержка и помощь. Конец прохиндиаде. Однако – «Я нет-нет, да и задумаюсь над пророчеством Джона Календаря, что в тридцать пять снова сорвусь с цепи – ни один человек не может провести весь отмеренный ему на земле срок под колпаком».

* * *

О чём мой путанный очерк? – пару месяцев тому я наткнулся в сети на сухую информацию: «В Лондоне на 83 году жизни в больнице Чарринг-кросс умер писатель Алан Силлитоу».

Одинокий бегун завершил дистанцию. У самого финиша он приостановился на мгновение, отомкнул замок, и, прежде чем прикрыть за собой дверь – оставил ключ на видном месте, у черты...

Баадур ЧХАТАРАШВИЛИ

Алан СИММТОНУ

Стихи

в переводе Бориса Слуцкого

В ОКРЕСТНОСТЯХ ВОРОНЕЖА

Любовь в окрестностях Воронежа,
Далёких, милых и старинных.
Но что же делает любовь
В его обломках и руинах?

Весь город возродила вновь.
Погибший и узнать не сможет,
Но вспомнёт войну живой.

Из центра павшие ушли.
Из восстановленного города
Ушли в окрестность мертвецы.
Стоят неколебимо-гордые
На дальних подступах к Воронежу.

ЕВРАЗИЯ – ВИД С ЛАЙНЕРА

Границы тают в солончаках,
Обозначенные то курганами,
То занесённой снегами избой.
Вьюга крушит леса и озёра.
Нефть пятнает дунай и каспии.
Дерево переживает камень.

То ли Азия, то ли Европа.
Любовь, как боль,
Как разрыв сердца,
Как кровоизлияние в мозг.
Где бы ни болело, всюду больно.
Любовники, разделённые или связанные
Обманчивыми реками,
Делающими что им захочется.
Границы, стёртые там, где стерлядь
Уходит от барж и камыша
На песчаные отмели Астрахани.

Евразийская любимая земля,
Бескрайняя, как извилистый пробег звёзд
Над степями и лугами.
Исчезает Бердичев, похожий на цветок на крыле.
Пассажиры лайнера едят свой завтрак
И рвутся к экзотике,
Чтобы изведать

Её жажду, её жестокость
И встретить,
То ли случайно,
То ли благодаря выглянувшей луне,
Границу, наплывающую на границу
И переходящую в сон.

СИБИРСКОЕ ОЗЕРО

Лёд на озере трещит,
И тотем птицеголовый
К солнечному отраженью
Крепко пригвождён лучами.
Тает чёрный лёд. Без звука,
Без причины ближе сумрак,
Глубь ведёт его за плечи,
Как гиганта, снега ждущего.

Холод в девяносто градусов
Комаров хранит личинки.
Гибнут здесь не ото льда –
От огня, когда кулак
Снега всунут в рукавицу
Солнца.

Летняя теплынь отметит
Этот берег. У воды
Общая, как прежде, жизнь:
Продолжает таять лёд.
Я иду и наблюдаю
Купол солнца, прикасающийся
К горизонту.
Тотем посредине озера
Тонет, уходя на дно,
В пламя солнца
Отражённое,
Загораясь от него.

ГОСТЬ**Марина ШАМСУТДИНОВА**

Марина Шамсутдинова родилась в 1975 году в городе Иркутске. В 2003 году окончила Литературный институт им. А.М. Горького (мастерскую Станислава Куняева). Автор четырех книг стихов «Солнце веры» (2003), «Нарисованный голос» (2007), «Дань за 12 лет» (2010), «Стихи - Избранное» (2011). Печаталась в журналах «Сибирь», «Созвездие дружбы», «Первоцвет», «Огни Кузбасса», «Викинг», «Венский литератор» и в других периодических изданиях. Автор журнала «Наши современники». Лауреат поэтической премии имени Юрия Поликарповича Кузнецова за 2010 (журнал «Наши современники»). Член Союза писателей России, Живет в Москве.

ЕЛАБУГА – ПЁСТРАЯ ГОРА*

*- Послушайте! - Ещё меня любите
За то, что я умру.
М. И. Цветаева*

Елабуга – знать, пёстрая гора,
Пеструшкой тычется в оконевший берег.
Была наивна и была добра.
В её могилу каждый третий верит.
Экскурсовод занудно тычет в нос -
Святую правду и немой вопрос...
От странностей своих странноприимных
Жила Марусей, а ушла Мариной.

*Елабуга - в переводе с татарского «Пёстрая гора»

ВЕНЕРА КАМЕННОГО ВЕКА

Их чрева вносили род людской,
Они упёрлись в землю не на шутку,
Анорексичной крале городской
Не повторить их родовую муку...

Родить, вскормить, младенца сохранить,
Добытчика в пещере приголубить,
Чтоб не прервалась хрупкой жизни нить.
Сказал ли предок ей хоть раз, что любит?

Не просто любит, а боготворит
И красотой её гордится в меру,
Он ей подарок первый мастерит,
Из камня режет мощную Венеру.

Такой Венере мамонт по плечу,
Она медведя взглядом остановит.
Легко сбежит к студёному ручью
И острой к обеду рыб наловит.

* * *

А пока апокалипсис аполексично-тактичен,
Жар от казни египетской гасит ливийской водой.

Как его ни крути - шар земной ограничен,
Неглубок и горяч, сколько бункер ни рой.

А пока апокалипсис вскормлен не даром
На картошке израильской, на аргентинском зерне.
И привиделась мне моя Русь в превентивных ударах,
Уходящая в лес с малышом на горбатой спине.

* * *

*Я в этом женском роду - последняя...
Женская линия может возобновиться на дочери Мура,
я ещё раз могу воскреснуть, ещё раз - вынырнуть...
М.И.Цветаева (из письма)*

1

Не по крови люди воскресают, а по духу!
Их обтёсывают и кромсают на проруху.
Трусят, словно бьют ковёр зимой потешной.
Околдован, словно вор бабёнкой снежной.
Не по крови воскресают, а по духу,
Не успел схватить весла - люби старуху.
Только тащится судьба козой трёхрогой...
Воскресился? – и вали своей дорогой...

2

А паломников собирайте половником,
Выбирайте, где жидко, где густо.
Генералов и подполковников
Призывайте под знамя искусства.
Сто экскурсий повытопчут тропы,
Чьи в петле парашютные стропы?
На костях неизвестного трупа
Создадут шедевральные тропы...

3

Люди сбросят - гордыню потешут...

ДУША

Душа, как птица от гнезда,
От тела ринется к восходу,
Чтоб не вернуться никогда,
В небесном дне не сыщешь броду.

Земная плоть уйдет в песок,
Там на микроны разложиться.
Души божественный листок
Над домом матери кружится.

Счастье – слов не хватит для,
Пусть бы вечно список длился...
Не пугай меня, Земля,
Я для радости родился!

РУССКАЯ СКАЗКА

На каждой опушке ждут нега и ласка –
В лесочке берёзовом русская сказка.
Присел на пенёк пожевать пирожок –
Ежонком у ног проскочил колобок.
Малины у мишки в бору набирай,
В палатке съедай вот такой каравай!
А ночью притопаёт мышка-норушка
И сказку ночную нашепчет на ушко,
И лунную пряжу сквозь щёлку спрядёт,
Навяжет перчаток и прочных колгот,
Чтоб больше в лесу не царапать колени, –
С полян собирать земляничные пенки.
Проснёшься, а сосны в лесу налитые,
Стволы, как бока у бычка, смоляные.
К любому прилипнешь, застрянешь в лесу...

Но в город пора: есть сыры, колбасу,
Сосиски, паштеты из сала и сои,
А лето в лесу на Руси золотое.
А в городе что? – Беспросветная осень -
Но как колбасу и сосиски нам бросить?

СЧАСТЬЕ

Счастье – это крем-брюле,
Полная тарелка вишни,
Снег липучий во дворе,
На концерт билетик лишний.

Счастье – с сыром колбаса,
Выходные в воскресенье,
Счастье – летняя гроза,
Солнечный денёк осенний.

Счастье – бабушкин пирог,
С земляникой и корицей,
Счастье – свадебный чертог
И любимой покориться.

Счастье – чистая вода
И букет цветов на сдачу,
Не промокнуть без зонта,
Самому решить задачу.

Счастье – это в мире жить,
На просвет не знать калибры,
Платье выпускное шить,
Наблюдать в саду колибри.

Счастье – в зверя не попасть,
На охоте промахнуться,
Сунуть тигру руку в пасть,
Испугаться и проснуться.

* * *

Пушистым облаком и белым журавлем,
Поземкой снежною и лебединым пухом
Я собиралась светлым декабрем
В дорогу дальнюю, мне пел снегирь над ухом.

Обрушилась, закрыло, затянуло.
Закован день в осточертевший остов.
Весть тяжела, но кто сказал, что просто
На свете жить?...живу, боль приняла...

Вместила,
мерно так распределив по телу,
Надолго так,
чтоб брать не надоело,
Чтоб ноша не оттягивала плечи,
И дальше по пути
с другой навстречу...

* * *

Я вас отпускаю по синему морю.
Я вас отпускаю, залётные птицы.
Совсем не неволю, совсем не неволю.
Противиться можно, - нельзя воротиться.

Себе наливаю горячего чаю,
Крепчайшего, терпкого, с капелькой меда.
И утро приходит, и птицу встречаю,
Нездешнюю птицу большого полета.

И дом наполняется гомоном новым,
Но в мягких объятьях всё так же не спится.
И без остановок звучит бестолково:
“Противиться можно, - нельзя воротиться».

* * *

Мы жили, лучами друг друга почти не касаясь,
Когда расстояние меж нами три тыщи парсеков,
Звезда на звезду благосклонно взирает в эфире,
Мы жили почти невесомыми в суетном мире,
В чуханской квартире, где ели и спали и пили,
И так вот, друг дружки почти не касаясь лучами,
Мы жили как звезды, а утречком нас выключали...

* * *

Как лист зеленый пожелтеет день,
Наполнится усталостью и прелью.
И там, где слух разбужен был капелью
Уснет мудрец под медный звон травы,
(Желтеющей на поле васильковом).
И старый день звенеть не будет новым,
И старый дом быльем лишь порастет...
Засыпан снегом, в ноябре уснет.

Как пёстрые несущки на насесте,
 Деревья
 оперенье из листвы теряют.
 Перья - листья, перья вместе
 Набьют подушки пышные зимы.
 Всё станет ждать, когда, отвергнув слух,
 Вдруг встрепенется солнечный петух,
 Разбудит свой курятник оголтелый,
 Лист развернётся клейкий, неумелый
 И никогда не вспомнит прошлый день.

* * *

Уходишь прочь, просить я не вольна,
 Твоей души растрогать не сумела.
 И только ночь да желтая луна
 Мне шепчут, что тебя не переделать.
 Ночь наступает чёрта не черней,
 И звезды - камни в луже небосвода –
 Перевернутся в ней. Игра теней
 Сольётся в пятое, иное время года.
 Луны клубочек разматывает сны,
 Во сне распахнуты - раздеты и разуты,
 Мы сердце распускаем до весны,
 И тянутся секунды, как минуты.
 Поводит раздобревшая луна
 Боками в тесном обруче заката,
 До завтра похудеет, как струна,
 В бараний рог согнется.

Виновата.

И ты виновен - “Той тебя еси”,
 Ты не спросил счастливый свой билетик,
 Ты вызвал по мобильнику такси
 И заперся в рабочем кабинете...

* * *

Из хрусталя цвела земля обетованная.
 И в белом снеге словно затаюсь,
 Спала земля, любимая, желанная,
 И смертная в душе ослабла связь.
 Ты обжигашь лёгкие мороженым,
 Густым и дымным зноем голубым.
 А снег лежит нетронутым, нехоженым,
 Хрустящим, свежим, пышным, молодым.
 Утонешь в этом море снега белого,
 Умоешься застывшею росой.
 Не тронешь, - не оценишь мира целого,
 с по-детски не целованной красой.
 Цветёт земля - пресветлая головушка,
 Под снежными ресницами смеясь,
 Над ней еще гнезда не свил соловушка,
 А смертная уже бессильна связь.

* * *

Нельзя дважды войти в одну реку, а в море можно.
 То же море течёт и при эллинах, и иудеях,
 Третьем Рейхе, четвертом Риме, повторном сроке...
 Слишком древнее, чтобы казаться новым,
 щадить святыни.
 Старше смерти самой – оттого и вчера – молодое!

БОГАТЫРША МАРЬЯ МОРЕВНА

Повод крепок, железно стремя,
 Холка мощная у коня,
 Недозрелое вышло время,
 Повзрослеет, глядишь, в три дня...
 Голос старцев почти не слышен,
 Спят в младенцах богатыри,
 Собирают в поход богатыршу,
 Дав клубочек в поводыри.
 Богатырша Марья Моревна,
 Ты воительница Руси,
 И добытчица, и царевна,
 А хазар хоть косой коси...

* * *

Заросла бородавками, что грибами,
 Баба Яга.
 Она куричьими ногами
 Месит стога.
 У избушечки-засыпушечки
 Грач да кедрач.
 Коли женишься на лягушечке,
 Живи - не плачь!
 Приворотного, корня рвотного
 Зелье прими.
 Назовёшь лешачину потного
 Шер Ами.
 На пеньке три поганки тухлые
 Надкуси.
 Каравай увидишь пухлые
 На Руси.
 Каждый камень в лесу диковинный,
 Что пирог.
 А очнёшься – беги отмоленный,
 Со всех ног!

ЕВРАЗИЙКА

1
 На пластилинном серо-голубом,
 На неподъёмном шарике старинном
 Летел в пространство сизым голубком
 Мой предок дальний на коне былинном.
 Волной неслась несметная орда,
 Смывая городки и города.
 Сшибались, падали и вновь разъединялись.
 Вдаль уходили - дети появлялись...

2

Я – Евразийка, всем гоюсь в невесты.
 В скелете тонком моим генам тесно.
 Меня прабабки круто замесили
 На пересылках кочевой России.
 Народы в поисках всё той же лучшей доли,
 В таёжных приисках, на стройках и в забое.
 С земных глубин вздымается порода,
 В одну сливается вся уйма народа.
 Все вплавились в меня, сваялись и сплелись.
 Такая даль во мне, попробуй, оглянись!

НОВАЯ КНИГА

Георгий Чкония интересен не только тем, что ему удаётся чётко, со вкусом, интеллигентно изложить всего себя, сообщить свое отношение к миру, но и показать читателю, каким надо быть, чтобы выжить и победить.

Мыслящий человек, на определенной ступени своей жизни обязательно скажет себе – “Из сожалений соткан мой запоздалый крик”, но у автора данного сборника, вопреки сказанному, очень мало “сожаленний” и ничего “запоздалого”.

Поэт создан Богом, чтобы видеть “Сверкание жизни, огни причалов, огонь сердец” и, не вдаваясь в самовозвеличение, говорить – “Стихи похожи на меня, но вот что скверно: а может их пишу не я... не я наверно”...

Не пройдеши тропами сомнений, не будет стремления к совершенству, не напишешь-- “Я дойду, я дойду, только б встать” и тем более не скажешь себе--

“Репетиция смерти... сон; там и встретимся”...

Творчество Георгия Чкония... жизненный путь, приведший человека к жизнелюбию, к стойкости в беде, путь зажигающий огонь борьбы, побед и сознания, что... “Нет, сударыня, предела совершенству!..”

Чабуа АМИРЕДЖИБИ

2001

Тога ЧКОНИЯ. “ПИШУ СЛОВА”

ДЕФИЛЕ

«Мы опять дефилируем плавно
Анфиладами дней и столетий...
А за нами шлейф слухов и сплетен,
Анекдотов и новых, и давних...»

Ведать ново, волнительно странно,
Знала ль Мэри про Галактиона...
С высоты золоченого трона
Вниз спускалась ли к Бесики Анна?

Беатриче плывет, а навстречу
Ей Лаура. Движенья губами,
Но беззвучное – Вечные Дамы
Молча шествуют... Молча и вечно.

Кисеёй укрывается тайна,
Император с Мананой танцует,
А история карты тасует,
И случайность совсем не случайна.

Но пока музы служат исправно,
Собирая нектар из соцветий,
Дефиле продолжается плавно
Анфиладами дней и столетий...

* * *

Если ты дашь мне шанс объяснить,
Может, дам тебе время понять:
Как легко обрывается нить
И как трудно текут реки вспять.

А не дашь – я пойму и прощу.
Жизнь проходит и скоро пройдёт...
Знаешь, старенькому плащу
Одна лишняя латка не в счёт...

ПЕСЕНКА О БЕРМУДСКОМ ТРЕУГОЛЬНИКЕ

Жизнь не удаётся,
Синевласый дым
Над тобою вьётся,
Бедным и больным...

Не до человеческого
От пустых забот.
Где уж там о вечном –
Был бы полон рот.

Стали забываться
Молодые сны;
Есть чему меняться –
Дни не зелены.

Бабы не заводят,
Не к добру вино:
И не умер вроде,
И не жив давно...

Вышила на пальцах
Нам судьба одно–
Синий дым сквозь пальцы,
Тополь за окном.

Злой, холодный, хилый
День сидит на дне;
«Просыпайся, милый,
Ты стонал во сне...»

А в мозгу всё чаще
Синие кресты.
Может, в синей чаще
Заблудился ты?

Заплутал в Бермудах –
По спирали вниз...
...Я про всё забуду,
Только ты проснись.

ПО ДОРОЖНОЙ РАЗМЕТКЕ

Песенка

По дорожной разметке,
Никуда не спеша,
Я иду с сигареткой –
С миром в мире душа.
Лунный диск в клочьях ваты,
Хорошо, как в раю.
Я мотив глуповатый
Сам себе напою...
То ли раннее утро,
То ли поздняя ночь.
Я, наверное, мудро
Из гостей вышел прочь.
Я, наверное, мудро
Не заснул в холодце
И с соседской лахудрой
Не присел на крыльце.
По разметке дорожной,
Сам с собою в ладу,
В направлении ложном
Я беспечно иду...
Ни соринки в кармане,
Лунный блин в голове,
А над ней караваны,
Облаков корабли...
Лунный диск в клочьях ваты,
Хорошо, как в раю.
Я мотив глуповатый
Сам себе напою...

* * *

Пусть я резонёр и невежда –
 Всё к лучшему скоро изменится,
 Вернулась бы только надежда...
 А, впрочем, куда она денется?

Всё будет приятней, чем прежде,
 И в этой заброшенной местности,
 Когда мы вернёмся к надежде
 От серой и злой неизвестности...

Пусть подлость меняет одежды
 (нет счёта одеждам у подлости).
 Но мы ведь вернёмся к надежде
 От этой глухой безысходности?..

СОНЕТ

Я был поэт, а, значит, одинок –
 Соборности не терпит вдохновенье,
 Полощет горло воем белый волк
 В единой ноте вечности и тленья...

Всё изменилось – книга бытия
 Открылась мне. Игра теней и света
 Так увлекла, безумного, меня,
 Что я забыл, что в счастье нет поэта.

Теперь вполне доволен я судьбой,
 Премудрость жизни от меня не
 скрыта;
 Просеивая дни свои сквозь сито,
 Наедине оставшись сам с собой,

Я чувствую, как мне ни мил покой,
 Но что-то очень важное забыто.

К ДАНТЕ

Песенка

Я знаю точно вы, синьор, невинны,
 Что ношу я свою не так несущу,
 Что, « жизнь свою пройдя до
 половины,
 Я оказался в сумрачном лесу».

Было время, не то что нынче –
 Её имя шептали губы...
 Моя родина – Беатриче
 Ни меня,
 Ни себя
 Не любит.

Пусть не видать мне славы
 Алигьери.
 Скажи, кому нужна такая блажь,
 Когда у каждой на свободу двери
 Таинственный и подлый жмется
 страх?..

Было время, не то что нынче –
 Её имя шептали губы...
 Моя родина – Беатриче
 Ни меня,
 Ни себя
 Не любит.

А кто не спелся с кем-то, значит
 спился
 И в трепетных, беспомощных
 глазах,
 И в городе знакомом поселился,
 Казалось бы навек забытый страх...

Было время, не то что нынче –
 Её имя шептали губы...
 Моя родина – Беатриче
 Ни меня,
 Ни себя...
 Ни себя,
 Ни тебя...
 Ни тебя,
 Ни меня...
 Ни меня,
 Ни себя...
 Не любит.

СВОИМ ГОЛОСОМ

Стер
 костёр
 неба синь,
 дымом
 вымел
 небеса ...
 Хочешь,
 синь
 в сон
 вклинь,
 хочешь,
 спи
 в небе сам...

Стер
 костёр
 неба синь,
 в серый круг,
 полосу...
 Слышишь, друг,
 не басы,
 волю дай голосу...

От костра
 ест глаза
 не слеза –
 дым.
 Спой своим голосом
 соло сам
 им...

* * *

Из Мурманна Лебанидзе

Над землёй весна шагает в рост,
 Гнёзда выют и радуются птицы.
 Я куплю тебе весёлых ситцев,
 Ты мне вышей гладью белый холст.
 Над землёй весна шагает в рост...

Нам уже в лесу гулять не лень;
 Запах ягод под ногами прелый,

Монастырь вдали мелькает белый
 В голубой, оков лишённый день.
 Нам уже в лесу гулять не лень...

Дом теперь не назовёшь тюрьмой,
 Да и я держать тебя не стану.
 То, играя, от тебя отстану,
 То бегу, как пёс перед тобой.
 Дом теперь не назовёшь тюрьмой...

Над землёй весна шагает в рост,
 Очумело тараторят птицы.
 Я куплю тебе цветастых ситцев,
 Ты мне вышей гладью белый холст.
 Над землёй весна шагает в рост...

СЛОВО О ВЕТШАЮЩЕМ ДВОРЦЕ

Изменчивость веком необъяснима
 Для нас, живущих вовсе вне времён.
 И, как игра, неважны или мнимы
 Все перемены в нас. Нам не закон

Ни вялые драконы эдикты,
 Ни благодущье грозных королей;
 Будь хоть Атиллою или так же дик
 ты,
 Как Самуил, на главы лей елей...

Нам всё равно – прозренья ли,
 презренья
 Готовят нам иные времена;
 Подарят нашим именам забвенья
 Или столетья наши имена...

Наше слово и старо, и ново,
 В думках о Творенье и Творце,
 Зыбкость мира превращаем в слово,
 Слово о ветшающем дворце...

* * *

Лунная тень на стене
И тёплая муть рассудка.
Радость моя, ты во мне,..
Жалко, что ты проститутка.

Вроде бы всё по мне –
И элегантно, и стильно.
Тень на белой стене...
Что же ты так меркантильна?

Тополь качнулся чутко.
Видимо, быть росе...
Жалко, что ты проститутка.
... как все.

ЗАЧЕМ

Песенка

Вахо Арошидзе

Всё суета и муть, и гладь,
И думы, что под теменем...
Себя в пространстве осознать,
А главное – во времени...

Вращатель лет, кружитель зим,
Ответь, коль ты не нем:
Откуда мы, куда спешим.
И, главное, зачем?

Зачем глухую бездну тьмы
Светящий луч рассёк?
В нём лишь мгновенье, миг лишь
мы –
И мрак на вечный срок!

Зачем мы в муках входим в свет
И в муках канем в ночь?
Страдаем, лжём, грешим и лет
Не в силах превозмочь?

О, ты, кто всем живым исток,
Бог светлого луча,
Ты дал нам радости чертог,
Не дав к нему ключа...

Но, как ни краток этот миг,
Ликуя и скорбя,
За всё, что понял и постиг,
Благодарю тебя:

За тонкий лучик в бездне тьмы,
За путь, что дан нам всем...
Хотя, куда не знаем мы,
А, главное,... зачем?

РОМАНС О ЛЮБВИ

Что самая жданная новь
Весной и зимой ядреною?

Желанье?.. Охота?.. Любовь?..
Да слово уж больно мудрёное...

Что лечит, калечит? Любой
Попасть обречён в её клещи.
Приятная штука любовь,
Да слово уж больно зловещее...

Желанная, странная боль
И была с поволокою сказочной...
Ты думаешь, это любовь?...
Да что-то уж больно загадочно.

Тут сани готовы, не готовь –
Забудешь, на свет белый слан чего,
Да ты не пугайся – любовь
Опасна, ... но очень заманчива.

И сколько ей не прекословь,
Возьмёт в рукавицы ежовые...

Но рифмы на слово «любовь»
Встречаются только хреновые...

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Мокро. Глупо. Пало небо.
Люди – каждый по себе.
Ливень. Очередь за хлебом.
Запах мокрого “ХеБе”.

Город. Лица. Взор тревожен.
Крики, слёзы, ропот, мат...
День грядущий не надёжен,
Как румынский автомат.

Посерело, смыло краски,
В тридцати шагах – ни зги...
Прогуляться в день ненастный
Вышел мальчик без ноги.

Раззадорено ненастье,
Но ботинок замочив,
Мальчик вовсе не несчастен,
Потому, что мальчик ... жив.

* * *

Из Отара Чиладзе

Дождь идет, клубится влажный дым,
Жмётся к небу и в него вращает...
Время этой осени растает –
Вспомнится, быть может, днем
одним.

Всё пройдет, и для тебя я стану
Лишь воспоминанием пустым...
Дождь идет, клубится влажный дым,
Жмётся к небу и в него вращает.

Рисунки Г. Чкония из книги “Пишу слова”.

Автобиография

Я, Георгий Романович Чкония, родился 28 декабря 1962 года в Москве. Отец, Роман Михайлович Чкония – актёр (ум. в 1982 году). Мать, Тинатин Акакиевна Шония – режиссёр театра и телевидения. В 1979 году окончил 56-ую тбилисскую среднюю школу. С 16-ти лет работаю на телевидении помощником режиссёра, ассистентом режиссёра, режиссёром, главным режиссёром, главным продюсером на Первом государственном канале, в телекомпании «Имеди». Теперь работаю в телекомпании «ПИК» продюсером и сценаристом. Издаваться в периодике (стихи, статьи) начал в 1979 году. В 2002 и 2010 году вышли 2 стихотворных сборника: «Репетиция смерти - сон» и «Своим голосом». Все эти годы писал сценарии, статьи, стихи, песни.

Кроме того, в разное время был ночным сторожем в морге, актёром, газетным корреспондентом, редактором на киностудии, а однажды даже международным наблюдателем на выборах второго президента Чечни.

Был на трёх войнах, снял четыре документальных фильма, награждён боевым орденом Вахтанга Горгасала 3-ей степени.

Член Союза Журналистов и Союза Писателей Грузии.

Разведён, живу с матерью Тинатин и дочерью Тинатин.

ПЕРЕВОДЫ

Майя МИКАБЕРИДЗЕ

ОЖИДАНИЕ

Придешь,
 когда туманов молоко
 впитают травы,
 когда сиреневый рассвет переродится,
 когда окно прильнет
 к порыву ветра,
 когда дома все двери распахнут,
 сердцам подобно.
 Ты тогда придешь,
 когда мечта лучом вонзится
 в землю,
 когда стакан возжаждет
 быть испытаным
 и возжелает лес
 дождя с небес,
 когда сиянье страстное листвы
 прогреет солнце,
 пыль приворожив.
 Придешь, как сон, как путник,
 как росинка,
 как слово оброненное, как тень,
 придешь, когда
 все семь цветов подковы
 забудут небо.
 Поздно ты придешь.

Перевод Марины Ламар

ГРЕХ

Грех подступил –
 я вспомнила о смерти.
 Как избежать? Что делать?
 Страх гнетущий
 таится в гуще трепетной листвы
 и в лепестках цветов.
 Весна, я умоляю,
 не дай боязни взять над жизнью верх.

Лелею слово,
 зреющее в горле,
 и пропасти отталкиваю зев.
 Небесный купол,
 Взгляд прими мой грешный.
 А ты, весна,
 спаси меня от страха,
 не дай боязни взять над жизнью верх.

Перевод Марины Ламар

УТЕШЕНИЕ

Покинула иней снежного цвета,
 со страхом войдя в твое царство.
 Хотела ворваться на крыльях рассвета,
 Но влился ты – горьким лекарством.

Есть место во мне.
 Только где это место?
 с тобой или там, где ждала я?
 Любви безграничность усохла, как тесто,
 волну поглотила другая.

Зайдешь? Я смогу?
 Что-то скажешь по делу.
 Тропинки сольются, став долгой стезей.
 И что бы там ни было – стану на землю.
 И что бы там ни было – стану землей.

Перевод Марины Ламар

* * *

Море счастья, как сердце.
 Но кто это видит?

Кора обнаженной суши
 корчится и вздымается,
 а потом затихает
 в тот самый миг,
 когда небо,
 словно окутав слово,
 оставляет руины звука.

А небо внимает слову
 и оставляет руины
 на планете моей тишины,
 воплотившей беззвучную тишь
 в бесконечную точку
 самосознания
 в обруче дна.

И я
 прошу тишину поднять меня
 во имя про-
 зре-
 ни-
 я

Перевод Марины Ламар

Майя МИКАБЕРИДЗЕ окончила философский факультет Тбилисского Государственного Университета. Публиковалась в грузинской литературной периодике. Автор сборника стихов.

Шалва БАКУРАДЗЕ

УОЛТ УИТМЕН ПРОТИВ ДЖОРДЖА БУША

В это самое утро, дождливое мартовское утро,
Пока Земля еще может дышать,
Пока языком счастья исполнена песнь трав,
Пока рыбы невозмутимо рассекают моря и реки,
Пока на полюсах не растаяли льды,
Пока тенью преследует нас радость, не отставая
ни на шаг,
Выслушайте же меня, люди.
В это дождливое мартовское утро, пусть внемлет
речи моей тот,
Кто крепче векового древа пустил корни в эту землю,
Кто для нее не сравним ни с дождем, ни со снегом,
ни даже со звездами и Солнцем.
Кто, подобно траве, берет свое начало из недр земли,
питается землей, находит покой в земле.
Выслушайте меня, люди,
В это дождливое мартовское утро пусть внемлет
моей речи тот,
Кто на судах, рыболовными сетями оснащенных,
выходит в море на Дальнем Востоке,
На китайской земле, пожелтевшей от орошения,
выращивает рис
И еженощно на собственных подошвах приносит
эту самую землю в свой дом,
Вы – эта желтая земля.
Кто живет в городах и селах австралийских
и искренне верит, что
Эта непорочная земля – ваша.
Кто с протянутой рукой просит милостыню
на пыльных дорогах Индии
Или с охапкой цветов торопится в храм,
Где его заждались улыбчивые молчаливые Боги.
Кто затерялся в бескрайней русской степи
И заливает прозрачной водкой свою прозрачную душу.
Кто на своем горбу от оазиса к оазису таскает
пшеницу и соль по Сахаре.
Кожа ваша чернее земли, породившей вас.
Вы – дети этой земли, терпением наделила она вас.
Кто строит свои домики у самого подножия
египетских пирамид,
Окаменевшая история для вас обыденный
закононый пейзаж.
Кто в Греции ли, Италии, Испании или Франции
затерялся в лабиринтах городов
И вслепую ищет радость свою.
Кто в границах Украины, Белоруссии и Грузии
учится счастьем,
И не забыть его вовек, счастье в вас с первого крика.
Кто терпеливо выносит морозы Севера, чью постель
по ночам согревает любовь,
Ибо кровь в ваших жилах бурлит сильнее лавы,
Кто слоняется по улицам Нью-Йорка

И видит перед собой небоскребы, сровнявшиеся
с землей,
Кому сегодня лучше знать цену жизни?
Тем, кто обитает в джунглях Амазонки, Конго,
Новой Гвинеи
И, как далекие звезды, продлевает свою первозданную
улыбку,
Или тем под небом Багдада и Тегерана,
ожидающим огненного града на свои головы –
Выслушайте меня.
В это дождливое мартовское утро пусть внемлет
речи моей тот,
Кого я по беспамятству своему не упомянул,
кто так далек,
Что слово мое не дойдет к вам сквозь годы.
Но, все ж, выслушайте меня.
Именем великой любви и вечной жизни,
Только вы вправе пойти сегодня против смерти,
Только вам дано повышать голос, кричать и даже
орать, ради спасения жизни,
Во имя святого святых,
Во имя жизни.

Перевод Лики Джалагония

ПИСЬМО К НИНО

А кому же другому петь мне? Ты одна в моем сердце –
Гость любезный, больше не жду никого в каморку
свою
И, влюбленный, превращаюсь в тебя, и не верится,
Что с сердцем, полным тебя, я по воле твоей же пою.
Но не жаль отдавать целый мир за такое соседство,
Беспечален, пою и безропотно подчиняюсь,
Поживи немного в груди моей вместо сердца,
О, бывает ли большей такая нестерпимая радость
У бедного узника – так мне теперь называться?..
Повелительно шепчут твои губы, а сети волос
Опутывают – и не вырваться, даже если пытаться,
Я в землю вдавлен хребтом, и голос из горла пророс.
И вот я стал кроток и тих, и не пою, а шепчу,
И радость эта летит и нас неслышно венчает.
Что мне жизнь? Что мне смерть? Не знаю, и не хочу
Когда-то узнать, что песни другие бывают.

Даже если я пенье прерву и тебя позабуду,
Даже если я пенье прерву и тебя позабуду,
Даже если я пенье прерву и тебя позабуду.

Перевод Сусанны Арменян

*Шалва БАКУРАДЗЕ родился в 1973 году в Сухуми.
Окончил филологический факультет Тбилисского
Государственного Университета. Учился в
Институте культуры. Автор поэтических сборников:
“Добрые люди” (2000) и “Письмо к Нино” (2003).
Переводчик англоязычной поэзии.*

Павла ПЛАТОНОВА

ТИШЬ-ПОКОЙ С САМОЙ СОБОЙ...

Павла Платонова родилась в 1988 году в Минске. В 2005 г. переехала в Грузию, училась в художественном училище им. Я.Николадзе, в 2012 окончила факультет графики Тбилисской Государственной Академии Искусств. Сейчас живет в Болгарии

РАЗГОВОР С...

....

-ну, не знаю, мне всегда грустно, когда я задумываюсь о времени.

Когда я начинаю понимать, что прошлое вообще-то далеко. Оно так далеко!! Даже вчера. даже вот это вчера уже как через вселенную, понимаешь?

-Немного.

-Хотя это и очень сладко. Так сладко, когда ты можешь кому-то сказать: "А помнишь?.." или что-то в этом роде, и услышать: "Точно-точно..."

Ага!-Что-то такое в голове, ага-а-а, так всё-таки, всё-таки всё это где-то ещё существует! Иногда, как воздух в воздушном шарике делает его больше, так воспоминания раздувают время, ну вот то, которое сейчас, оно становится таким большим и невероятным...!

...Так никогда не будет больше, не будет этого пойманного времени. Чуть-чуть почувствовать осенние, еще тёплые, лучи солнца. Воздух где-то далеко. Ну, это же просто моё время, моё, оно никак не может быть где-то ещё и таким же ещё. Это, как и всё другое, что есть везде. Ну, я же ..я же не говорю: не рассказывай мне о том, что происходило где-то там, только из-за того, что это чужое и не со мной, и меня в нём нет, не будет... ммм...

...Есть такое особенное время в течение дня, где-то в промежутке между днём и вечером, но скорей ближе к вечеру... ну, оно ощутимей всё-таки – когда есть солнце, тени длинные, а солнце чуть-чуть всё-таки тёплое, а у людей на лицах этот особенный свет и интересные тени, что-то особенное появляется в каждом, обязательно. И в такое время, если ещё рядом есть деревья, они тоже все выглядят особенно, и листья, если они есть ещё, тоже, как эти лица людей, начинают становиться особенными – каждый. Все эти неисчислимые листья, лица и всё это время. Время, которое до и время, что после, тоже абсолютно не исчислимое, непонятное и не важное. и если дунет ветер...если он дунет, то ..!

...

-А куда ты смотришь?

-Я смотрю в небо...

КОРАБЛИ

Назови время, обернётся к тебе. Когда ты скулишь, тихо подбегают минуты, глядят и уходят в темнеющее окно. Пол-лица смотрит на город, пол – на постель, делятся окном, одно – снаружи, другое – внутри. А корабли, наполненные посылками, летят, записки моего жгучего отчаянья. Не случайно... мы убивали друг друга, так громко кричали на расстояния, истерически смеялись над разницей в огромных

наших планетах, отлитых из разных металлов познаний, желаний. Летали по кажущейся нежности доверия. Мы, неуверенные, сопливые гномики, отшитых наших сердец остались сдувшиеся шарики с ничем. Кто-то всегда пытается закричать, а сейчас не осталось ни звука от событий, раздирающих сердце, ни малюсенького звука... В домике, я – в домике. Ты – в домике. Крац, замок. Спаслись? Ну, почти, только смотреть в зеркало лучше не стоит, там – тень безголовая. По ночам я пускаю нити в небо – э-эй, где там ты? ты. ты... корабли уходят, короб...краб...кор.

МОЁ И ЕЁ УТРО

Перевернутыми казались речь и те отвороты-повороты на шее. Напал на след в моём лице. Пышная наружность, скудный уголок добра, я не знаю тебя, возмущающаяся личность. Познание чужой суеты... Кот обернулся, когда я скользила с выключенным звуком по чужому балкону глазами. Там на знакомый голос облизнулся, скрылся, растворился, пропал с глаз, с утра, свободно поднимая лапы. Полосатый.

Там все ждали, ждали, ждали. Голодали, засыпали, поворачивались, ворочались, громко вздыхали, пели, кричали, шумели, топали ногами, следили за облаками, за скоростью ветра, за свежестью хлеба. Я видела это, похоже на лето. Не помогала. Только двигала шторы. Никому не хотелось слушать её, эту странную женщину, она двигалась к центру города, прикасаясь к каждому столбу, к дереву. С голубым одним из глаз, со странными движениями руки, осторожностью и слепотой на тот небесно-голубой глаз.

Когда я обнаруживала утро, когда все только оживало, её внизу я видела, как призрак, скользкий по улице пустой, пустой...

Как под водой ступая, в этом странном свете утра, разглядывая каждый камушек, перебивая рыб, настаивая на глубине, отрицая поднятие, отрицая осознание, не наступившее пробуждение. Или у неё давно так?

– Ловили мне голову, ловили-ловили, рубили-ловили. А я все плыла, я плыла, я плыла...– не уставала повторять она.

Шторы скрывают, открывают, впускают или нет. Я живу за ними, слыша её утреннее отчаянье.

ТЫ

Наверное, когда ты скажешь тихо: «Всё»... я тогда же умру. Так же тихо и выйдет из меня последнее дыхание. Наверное, когда ты будешь рядом, после этой чертовой разлуки, которая меня убивает, убивает, убивает, когда ты будешь рядом, я буду лить слёзы, буду лить их и буду лить их потому, что они будут. Будут на подушках, на тебе, на мне, на земле, на солнце, в окне, они будут сами по себе. Наверное, тогда я смогу уснуть, тогда смогу по-настоящему уснуть...зная, что ты уже рядом.... наверняка это зная, тогда я смогу уснуть. Наверное, я знаю, я знаю, что больше, сильнее для тебя живу, наверное, я это знаю... и пусть... я знаю и пусть!!

Когда дотронусь, когда дотронусь самый первый раз, после того, как расстояние это испарится, я дотронусь до тебя и сразу-сразу стану сильной опять, как никогда.

Я сильная, а ты – для меня, а ты – мой, пока не скажешь: «Всё». Наверное, до этого еще много тысяч лет. Ах, как мне мало!!!!

ЭТО МОЯ ЖИЗНЬ

Это моя жизнь. Я к ней привыкла. Конечно, у нее куча недостатков, они же и достоинства, наверно. Хотя, кто может об этом судить? Я не берусь, это – слишком высоко карабкаться, чтобы всё равно не разгадать тайны вообще бытия. Каким-то образом, я именно здесь и сейчас. Я вернулась с другой планеты. Здесь оказалась весна. И ещё зарядили дожди. И ещё – все деревья салатовые. Это прекрасно! Я помню многое, и многое ещё возвращается ко мне. Я многое разучилась понимать и делать, но я всё ещё рада видеть в толпе светлые лица, детей и животных.

Дождь идет круглосуточно, в этом скрывается какая-то великая тайна.

Я слушаю, я дышу.

НАУЧИТЬСЯ

Вот бы научиться вываливать всё, всё без остатка, всё выковыривать, всё, как из мокрой тряпки, выжимать из себя. Кап,кап,кап из мозга, освобождая пространство для света, для чистоты, для покоя. Все эти струи, лоскутки, связи и провода, мусор и, забытые кем-то, слова. Во мне никто не живёт. Во мне беспорядок. Во мне так сложно достучаться до смысла, и так просто – до боли. Споткнуться, споткнуться... И кто я? я никто из всех, кого я знаю. Моя жизнь – ни одна из прожитых. Ни одна из вымышленных. Ни одна из... Я знаю, что я существую только сейчас, только на это мгновение,

только насколько повезёт. И я чертовски благодарна, что иногда кто-то или что-то напоминает мне об этом. Иногда я очень сильно забываю жить.

ПОД НЕБОМ

Наберём по-о-больше воздуха и давай прыгать и играть, только бы хватило его, утекающего...

Расслабь свои тонкие нервные нити, себя, расправь свою душу, обнаружь себя в мире, обнаружь.

Ложась, как тихий снег, на дремлющую живую землю, ночное небо дарит далекий далекий далекий рассыпанный свет. Чей и кем созданный, кому подаренный бесконечностью?

Новые и новые мысли – дорожками к каждой звезде, к каждой жизни, к прошлому, к рассказам, к чему-то далекому и близкому, к чему-то знакомому и решительно новому. Каждому по кусочку.

ВЕРНУТЬ

Как я хочу вернуться в природу, в воду, в лабиринты деревьев, спать среди звёзд и невыносимости пространства, которое хочет сказать только, что оно повсюду и никогда не закончится. Оно даёт такие силы, которых хватает на столетия! Так было в детстве, в котором можно было сделать всё и ещё немного. Но оно всё больше и больше отрекается от меня, не признаёт и не узнаёт меня больше. Надо научиться выплескиваться, надо научиться расшатываться, научиться вырывать важное – созвездия изображений, цепочки мыслей, потоки энергий, научиться решимости, верности, преданности своей силе, своим чувствам и желаниям. А когда не решаешься, они плачут, стонут, не выраженные, не отданные, запрятанные глубоко неверной мной... Появляется чувство потерянности и разоблаченности в никчёмности.

СОННОЕ ВРЕМЯ

Я в дремлющем времени, опустошённом пространстве, среди плачущей ночи и скукожившейся тяжести темноты за окном, борющейся с виденьем за контуры! Я замученная грустью книги, которая утоляет мои любопытства, но заглывает меня в пространства, где живут неживые печальные люди, спойманные судьбой и автором в страницах. Я разучиваюсь правильно гулять, дышать и слушать чужие разговоры, я с одеялами и подушками дружу больше, чем с реальностью. За реальностью начинаются приключения, которым нет ни времени, ни пространства – они не ясны – и которые, к сожалению, забываются при пробуждении.

КОГДА ПОЗДНО

Когда поздно и какие-то люди в глаза. Лучше не надо..., когда хочется тихо, спокойно, почти незаметно. Нет! совсем незаметно! скользить, плыть по тёмному го-о-о-роду. го-о-о-роду...

Город в огнях, каждый – как другая планета, звезда. Я что-то путаю? Не-ет! Я точно знаю, мы все очень далеки от этих огней.

Сталкиваться с неожиданными открытиями ночи, стенами раньше невидимых домов, – их окна, как

двери, иные миры, иные – я, мы, лю-ю-ю-юди, такие, которые никогда не скажут тебе – здравствуй, увидя в автобусе или магазине, потому, что ты – здесь, а они – там.

Никакого пересечения, только окно, свет и тени...

Хочу задержать это время, оставить, долго-долго смотреть и совсем не думать о том, что время существует не отдельно от меня, а рядом, так близко, прижавшись ко всем моим размышлениям, хочу лишь одного долгого мгновения, растягивать его, ни о чём не заботясь, забыть всё и отдаться Вселенной – себя, мира, дня.

КАЖДОЕ УТРО

Улыбаюсь завтрашнему дню, завтра будут игры в прятки с будильником, одеждой, лицом, глазами, звуком города и улицы, расчёсанной шуршаниями-стараниями дворников. Утром я не умею просыпаться, и всегда, оставив свою жизнь в кровати, я направляюсь к выходу, что-нибудь забывая очень важное по пути. Иногда это всё происходит во сне, иногда наяву. В любом случае, я не просыпаюсь))

МИМОЛЁТНОЕ

Пасмурно, истерические вопли ветра бьют по ушам, иду я, сморщив нос от воздуха, такое большое небо, серое, а я маленькая в чёрном в толпе чёрных ворон, иду по отражающим свет улицам. Где-то в ботинке подводит подошва, я злюсь на насморк, молока хочу теплого и круасана с начинкой ванильной! И, кажется, еще хочу кислый лимон, для действительности ощущения. Грохоча, проносится старый автомобиль. Прорываюсь сквозь порывы, с мечтами теплыми, к милому местечку на повороте третьем, кажется, именно сейчас почувствовала, что я вечна в том мгновении, в ощущении земли, её настроения, я пою, мне нравится всё это. Как бы я там не замерзла, гениальность такой погоды приходит, как прозрение. Да! Всё же это так круто! Появляется восторг и слеза сбоку, то ли от ветра, то ли...

ЛИЦА

Доброжелательные лица. Эти приятные лица встречаются и хочется с ними дружить, знать их, знать их мам и пап, знать историю их жизни, хочется с ними пить чай на кухне, слушать музыку и есть печенье. Хочется ходить в гости, смотреть их фотографии, гладить их собак или кошек, или дразнить попугаев. У них белые занавески и особенный запах дома....Я почему-то очень скучаю, я скучаю по чему-то очень важному в нас, в времени...

ГДЕ ТИШИНА?

Я бы попыталась, но у меня так перехватывает дыхание, я сразу покрываюсь мурашками, и в глазах все блестит. Так вдруг в какой-то момент перестаёшь себя контролировать, и кажется, что улетишь. Кажется, не сможешь больше ни секундошки быть здесь сейчас, кажется, что если очень-очень зажмуриться, то пропадет и звук, и свет, и тогда можно выдохнуть, тогда

можно успокоиться. И тогда это и подумаешь, и есть то ничего. То спокойное, плотное и ровное ничего.

Я много чего не люблю. Я не люблю громкие голоса, мне от них плохо, чужие громкие голоса, или некрасивые громкие голоса... Я не люблю их, не люблю, когда этими голосами ругаются или спорят, или доказывают какую-то громкую глупость. Я не люблю под них просыпаться или слышать их за дверью, или сидеть где-то поблизости от них, в транспорте или на улице. Громкие-громкие, настойчивые голоса. И мне бы научиться выключать звук!!!

И тишины очень мало, очень мало...

Я скучаю по ней!

ПЛЫВУТ ОБЛАКА

Плывут облака, парят. А я лежу, как будто умираю, но, нет, оказывается, что это не так, а облака меняют формы и уплывают, меняют и уплывают. Они за окном, а я лежу. Они плывут, а я лежу. Или плыву я, а они лежат на небе? Белые, белые... а мои ноги в чёрных колготках, мои...

чувствовать

Я хочу чувствовать! Пусть от этого я разорвусь на мелкие кусочки. Я хочу чувствовать! Пусть вся боль мира пройдет через меня и почти затопчет мое сознание. Я хочу чувствовать свет, тени, ветер, тепло, воду, прикосновения, запахи, звуки, дышать, кататься на качелях, трогать листья деревьев, здороваться рукопожатием, смотреть в глаза, видеть кончики рта в улыбках, замечать детали, слышать голоса, видеть детей, понимать их игры, делать поступки и рисовать! я хочу умереть живой, я хочу умереть от жизни!

СМЕРТЬ

Смерть облегчает, она растворяет все тяжёлые металлы нашей жизни, она свобода от всего

ненужного уму, она

спокойствие, ко-

торого так ждешь,

она слабость твоих

мышц, она тёмное

мягкое покрывало,

она тягучая тишина,

она сладкий длин-

ный сон, она непоко-

лебима и спокойна,

она всегда рядом и

всегда приходит.

Графика
П.Платоновой.

ПРОХОДНОЙ ДВОР

Лаврентий
ПАВЛОВ

РАЦПРЕДЛОЖЕНИЕ

Силикатные кирпичи-домино. Обычные для кирпичей дырочки делаются в определенных количествах, соответствующих костяшкам домино. Во время рабочего перерыва и в ожидании раствора каменщики смогут забивать козла.

* * *

Ещё одно белое пятно на карте мира уничтожил сотрудник картографического отдела ВнеИИИ Кутилин, пролив на стол стакан портвейна. Любопытно, что свой трудовой подвиг он совершил в нерабочее время дня.

- * Искусство требовать жертв.
- * Липучий голландец
- * Эпоха Возражения
- * Продюссерово ложе
- * Се ля визор.
- * Икс-куство.
- * Бизнес-мент.
- * Календарственная надпись.
- * Шекспирт
- * Хамо-сапиенс
- * Чемпион по прыжкам в омут.
- * Пришёл, увидел и... купил.
- * Общество равных невозможностей.
- * Концерт с участием участников нашего концерта.

* Достопочтипочтеннейшая публика.

* Национал-дилетантизм.

* Вначале было слово.

А потом пошли числа.

* Европейская культура – очень культурная культура.

* Переходный период, переходящий в безысходный.

* Построение бескассового общества.

* Общество охраны домашних насекомых

* Вообщественное мнение.

* Казалось – но оказалось.

* Око за око,
– ум за разум.

* Нет ничего нового, что бы ни стало старым.

* Нечто иное есть не что иное, как нечто иное.

* Много всего. Но мало ли чего?

* Сколько ни – всё равно не.

* Тело близится к концу.

* Мыслю, но не соображаю.

* Сам в себе, как белка в колесе.

* Согласен на всё.

* Альма-матерное выражение.

ЦЕНТОНИК

Открылась бездна, звезд полна.
А я налил себе вина.

* И долго буду славен я в народе
за то, что джокером служил
в его колоде.

* Чем заменить фонарь с аптекой?
Макдональдсом и дискотекой!

* Нам внятно всё:
и острый галльский смысл,
и острая сухумская аджика.

МОНОСТИХ:

Мне нечего тебе.

* Несмотря на шо,
всё хорошо.

* Как сказал один поэт:
“Счастье есть, а жизни нет”.

СЛОВАРЬ

(Сост. – Л.Павлов.

Под ред. жив. классика А.Сумочкина)

Абажур – экстатический женолюб

Автолавка – себялюбица

Автомат – самобичевание в устной форме

Бригадир (сокр.) – непосредственный руководитель брига

Галлон – француз мужского пола

Гибель – гимнаст

Горилла – затопленная печка

Горе – несклоняемые дрова (фр.)

Гребень – весло

Графоман – почитатель титулов

Досада – ясли

Дышло – лёгкое в рабочем состоянии

Закладка – выпивка.

Казначей – потерявший самобытность палач

Кирка – пьянка

Коробка – невкусная еда

Кролик – хронический пловец кролем
Крутизна – карусель
Купец – банщик при исполнении

Лавина – любовница (англ.)
Лицей – крем для лица жены

Матовый – нецензурный полупрозрачный намёк
Медик – уменьшенная действующая копия медной монеты
Минус – сапёр в Древнем Риме
Мнительность (научн.) – коэффициент повреждения мягких тканей у борцов

Неделя – бездельник
Невинный – трезвенник (или магазин, где продается только водка)
Невод – отключение воды по графику

Обеспечение – переход на центральное отопление
Одеяло – портной неопределенной ориентации
Оргия (муз.) – исполняемый с особым цинизмом концерт Баха

Пикап – будильник
Пирог – кондитер
Пироман – чревоудник с маниакальными наклонностями
Пиротехник – повар или другой сотрудник общепита
Подвижник – многосуставчатый непоседа
Пробка – попытка

Рассада – билетёр перед началом культурного мероприятия
Реже – несклоняемый нож (фр.)

Сосна – часть утра между звонком будильника и чашкой кофе.
Собеседник – сетевое прозвище сотрудника собеса.
Спиноза – надоевший радикулит
Спина – соня
Спинка – таблетка снотворного

Товарняк – зав.складом с бычьей шеей

Ухажёр – любитель ухи

САНТЕХНИКА:
Всё течёт - ничего не меняется.

* КОММЕНТАРИЙ СПЕЦИАЛИСТА

Как авторитетно утверждают британские ученые, Большой андронный коллайдер дал научному миру не только доказательство существования бозона Хиггса, но и разрешил наконец проблему с классификацией предков человека, а именно, показал, как развивалась цепочка промежуточных видов от хомо-сапиенса до хамо-сапиенса. Раньше взаимосвязь между этими видами была весьма неясна. Теперь же доподлинно известно, что хохмо-сапиенс – это следующая ступень развития хомо-сапиенса, отличающаяся от него болезненным чувством юмора. Хохмо-сапиенс, претерпевая влияние среды обитания, а также четверга и, особенно, понедельника, эволюционировал в эхма-сапиенса, отличавшегося большей толстокожестью и эмоциональными метаниями, что и привело в конце-концов к выделению двух подвидов: схимо-сапиенса и имхо-сапиенса.

Схимо-сапиенс полностью вымер из-за нежелания продолжать род. А вот другой подвид – имхо-сапиенс – выжил благодаря своей сообразительности, и не только выжил, но и эволюционировал в эмо-

сапиенса, что некоторые исследователи называют ретро-эволюцией, так как эмо-сапиенс соединил в себе некоторые черты эхма-сапиенса и схимо-сапиенса. Эмо-сапиенс царствовал в животном мире несколько сотен тысяч лет. Последующие изменения в климате, отсутствие пива и постоянное безделье сделали из него современного хамо-сапиенса.

*Примат-доцент Академии гуманитарных умозрений (АГУ)
Н.Е. Андартальцев*

Графика - С.Армения.

© Периодическое издание «Ассоциации литераторов - АБГ» и лито «МОЛОТ О.К.» (Тбилиси, Грузия) <http://abg-molotok.ge>
Эл.почта: abgl@yandex.ru

Издаётся на средства редколлегии

Редколлегия отдыхает, а публикуемые авторы начинают и выигрывают.

Редакционная коллегия:

Сусанна Армениян,
Ада Джилавдарова,
Анна Шахназарова,
Дмитрий Лоскутов,
Михаил Ляшенко.

Рукописи не горят, не возвращаются и не комментируются. При перепечатке материала ссылка на данное издание обязательна.